

Крымский центр гуманитарных исследований
Крымское общество русской культуры

ГЕОПОЛИТИКА СЛАВЯНСТВА

**III Крымские Международные Чтения
Н.Я.Данилевского**

Материалы

Симферополь
«Крымский Архив»
1998

*М.А.Руднев
(Днепропетровск)*

**«ВСЕСЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ» И «ВОСТОЧНАЯ
КОНФЕДЕРАЦИЯ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
Н.Я.ДАНИЛЕВСКОГО И К.Н.ЛЕОНТЬЕВА В
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ XX СТОЛЕТИЯ**

Вышедший из-под пера Н.Я.Данилевского грандиозный проект решения «восточного вопроса», опирающийся на «твердый фундамент» оригинальной философии истории (теории культурно-исторических типов) и предполагавший создание Всеславянского союза (в который должны будут «волею или неволею» войти также «втиснутые» историей в «славянское тело» Румыния, Венгрия и Греция) со столицей в Константинополе под гегемонией России — при успешном для нее исходе неизбежного военного столкновения с романо-германской Европой — сфокусировал в себе основную проблематику русской геополитической мысли и определил ее последующее развитие вплоть до сегодняшней «постперестроечной» Смуты. Позади оставалась возвращенная на принципах легитимизма и «революционофобии» и воплощавшаяся во внешней политике I и Николая I идеология Священного Союза, казалось бы, навсегда отвергнутая патристическим сознанием, в том числе и на теоретическом уровне — с активной подачи автора «России и Европы», будучи закреплена им как соблазн «европейничанья» и поставлена в один ряд со своим «демократическим» двойником-антиподом.

Замечательной характеристикой проекта Н.Я.Данилевского стала явная неспособность почти всех его критиков одержать «чистую победу», противопоставив ему равноценную геополитическую альтернативу. Выступления либерально-западнических и леворадикальных оппонентов (В.П.Безобразова и Е.Е.Голубинского, обозревателей журналов «Дело» и «Отечественные записки») свелись к обличениям «агрессивности» и «авантюризма» подобных проектов, к акцентированию неоправданного оптимизма футурологических надежд автора «катехизиса славянофильства». Что касается полемической отповеди Ф.М.Достоевского в «Дневнике писателя» (ноябрь 1877 г.) в пользу аннексии и «единоличного обладания» Константинополем и внешне

блестящей и убедительной в конкретно-научных деталях, но морально двусмысленной и бьющей мимо цели — в самодельный жупел русского «агрессивного национализма» — критической атаки В.С.Соловьева, то усилия обоих мыслителей были подчинены апологии их историофилософских воззрений, в той или иной мере антагонистичных теории культурно-исторических типов. Так, для автора «Бесов» геополитические аргументы (например, о том, что, овладев городом на Босфоре, Россия станет стражем «всего Востока и грядущего порядка его» и «новой единительной силой» для южных славян, спасая их от страшного хаоса взаимной вражды) служили лишь обоснованием его идей о религиозном, а не «племенном» характере противостояния славянской и романо-германской цивилизации, об исторической миссии русского народа спасти Европу от «грядущего социализма». «Все назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа» [1], — вот в чем, по убеждению Достоевского, и состоял этот «самый великий для нее и окончательный» подлинный «Восточный вопрос». По словам американского историка Г.Кона, «Данилевский мыслил по преимуществу историкополитическими понятиями и пытался судить о предмете в научном духе; для Достоевского сутью проблемы, и всех проблем, был собственный русский Христос». А В.С.Соловьев, проповедник «всеединства» человечества и католически ориентированного экуменизма, отбрасывал как «язычество» и «варварский макиавеллизм» саму постановку вопроса об «эгоистических» интересах России на международной арене, доходя в своем полемическом «чаадаевском» экстазе до оправдания известной антирусской доминанты западноевропейского общественного мнения лишь как сугубо защитной реакции на экспансионистские притязания «нашего национализма».

Единственным из современников Н.Я.Данилевского, выдвинувшим конгенитальную альтернативу «Всеславянскому» геополитическому проекту, стал К.Н.Леонтьев. Принимая участие в полемике 1888-1894 гг. между В.С.Соловьевым и Н.Н.Страховым (статья «Владимир Соловьев против Данилевского в газете «Гражданин»), он был солидарен с последним в безоговорочной поддержке теории культурно-исторических типов, оказавшей известное влияние на его собственную «триединую концепцию развития» народов и цивилизаций. Вместе с тем К.Н.Леонтьев выступил с бескомпромиссной критикой некоторых черт политического «слоя» учения Н.Я.Данилевского, прежде всего — футурологического оптимизма и свойственных славянофильской мысли «либеральных иллюзий». Несомненно, наибольшее

неприятие у «русского Ницше» должен был вызвать тезис автора «России и Европы» о нерасторжимом единстве либерального и подлинно национального «направлений» внутренней и внешней политики. Самое зримое проявление подобных «иллюзий» он обнаруживал в «опрометчивом» панславизме и «доверчивом славянолюбии» Н.Я.Данилевского. Для К.Н.Леонтьева представлялась неприемлемой любая геополитическая программа, построенная на принципах «племенной политики» (в ее «освободительном» или «объединительном» облике), в исторической ситуации XIX в., обернувшейся грозным орудием демона «всемирной революции» и приносившей отнюдь не национальные, а космополитические результаты. Исходя из этого он превозносил «истинного и великого легитимиста» Николая I, обнаруживая в его самых одиозных внешнеполитических акциях (наподобие венгерской кампании 1849 г.) «гениальный инстинкт охранения», и отвергал идею Всеславянского Союза как грозящую гибельным «смешением» с нашими насквозь демократизированными и вестернизированными западными и южными «кровными братьями», которому он готов был предпочесть на несколько десятилетий идеи «евразийцев», «слияние» с «азиатцами» — «уже по одному тому, что они еще не пропитались европеизмом» [2]. Леонтьевская альтернатива геополитической программе Н.Я.Данилевского, кратко очерченная в работах «Плоды национальных движений на православном Востоке» (1888-1889) и «О национализме политическом и культурном (письма к Вл.С.Соловьеву)», вдохновлялась идеалом жизненной мощи и «цветущей сложности» русской цивилизации («православно-культурного русизма»), в жертву которому мыслитель готов был принести конкретные международные выгоды и национальное самолюбие России, впадая подчас (особенно в частной переписке последних лет жизни) в безысходно-отчаянное «русохульство», никогда не переходившее, однако, «границ любви». «Восточный вопрос» трактовался им как религиозный, идеологический, но отнюдь не «племенной». Всеславянскому союзу он противопоставил идею создания православной восточной конфедерации из четырех единоверных стран: Сербии («единой, составленной из нынешнего королевства, Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и Черногории») [3], Греции, Румынии и Болгарии в вольном или в «вовсе вначале неохотном, но неизбежном» военно-политическом единстве с Россией, к которой должны будут отойти Константинополь и проливы «с подходящим округом в Малой Азии и во Фракии» — «без всяких... прав Европы на вмешательство» [4]. Грозным предостережением торжествующей при попустительстве ельцинской России «демо-

исламской» коалиции во главе с США звучит в наши дни бесстрастный прогноз «антиславянофила» Леонтьева: «Политическое объединение всех сербов» — «вопрос лишь одного времени» [5]. Дерзость и еретичество леонтьевского геополитического замысла проявились в мечте о присоединении к планируемой конфедерации «остатков Турции» (особенно впечатляет, что до войны 1877-1878 гг. на страницах «Византизма и славянства» (1875) он желал ей исторического долголетия) и всего Ирана при как можно более долгом «сохранении» Австрии, идеологически родственной империи, за скорейшее уничтожение которой — как противоестественной «политической группы», живого мертвеца, достойного лишь удара «осинового кола» — ратовал Н.Я.Данилевский; Австрии, предварительно «жестоко проученной» и изгнанной с Балкан, но все же способной сыграть роль спасительного «карантина» от своих зараженных «либеральным европеизмом» подданных, в том числе и от галицких украинцев (необходимость «возвращения» которых представлялась банальной аксиомой для автора «России и Европы»), волею своей небывало трагической истории подтвердивших худшие подозрения «русского Ницше» и ставших злейшими врагами общерусского единства.

Исторические катаклизмы XX в. опровергли надежды Н.Я.Данилевского на консолидацию славянских стран, избравших судьбу задворков западной цивилизации (за блистательным исключением «православной революции» сербского народа против тирании «нового мирового порядка»). Пессимистические прогнозы К.Н.Леонтьева оправдались с математической точностью. Правда, почти полное совпадение внешних границ Всеславянского союза и т.н. «социалистического лагеря» соблазнило некоторых американских исследователей и критиков «русского тоталитаризма» (Г.Кона, Р.Е.Мак-Мастера) объявить в 50-х — 60-х гг. об успешном осуществлении геополитического проекта Н.Я.Данилевского. Однако подобные умозаключения обращаются в прах, стоит лишь вспомнить о безусловном неприятии автора «России и Европы» любых форм мировой гегемонии (к которой, несомненно, стремилось советское руководство) как «вредной и опасной для прогрессивного хода истории» и о добровольном характере замышлявшегося им славянского объединения, долженствующего стать «единственным предохранением» от «всемирного владычества».

Посмертная судьба геополитических идей К.Н.Леонтьева оказалась более счастливой. Разумеется, в конце XX в. его «восточный проект» может восприниматься лишь как гениальная утопия, обреченная на несбыточность в том числе и не осознав-

шимся им неизбежным антагонизмом международных интересов России и Турции. Однако ее «евразийский» идеологический пульс продолжает биться в русской мысли XX в., особенно учащаясь в эпохи национальных катастроф и указуя ей путь преодоления узкого «племенного» национализма и верную стратегию противостояния политическому и культурному диктату «халдейской» цивилизации США, названных К.Н.Леонтьевым в 1875 г. «Карфагеном современности» (в трактате «Византизм и славянство»). В XX в. эта характеристика стала классической метафорой западноевропейской геополитики.

Мировая гегемония США означала бы смертельную опасность для исторического бытия человечества, предсказанную обоими русскими мыслителями, опасность, которая кроется в «культурном господстве одного культурно-исторического типа, каково бы ни было его внутреннее политическое устройство» [6], неизбежно приводящем к смешению всех типов «в один средний» – к подлинному, а не к оптимистически-мондиалистскому (по Ф.Фукуяме) «концу истории». На наших глазах сбылось и пророчество К.Н.Леонтьева о «новом федеративном Западе», оказавшемся не чем иным, как все той же «великой старой Европой», культурно профанированной и политически спаянной североамериканским Карфагеном.

Именно для того, чтобы избежать «ужасной и глубоко постыдной» участи быть поглощенными этим «новым Западом», «русский Ницше» призвал потомков защитить «последние охранны нашей независимости, нашей отдельности». Одной из «несущих конструкций» нынешней общеевропейской федерации стал немислимый в XIX в., но также прозревавшийся Н.К.Леонтьевым союз Германии и Франции – не континентальный, охватывающий Россию и Японию, на который уповал в своей памятной записке 1914 г. «русский Нострадамус» П.Н.Дурново, а иной, с неумолимой точностью описанный в трактате «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872-1884): союз добровольный и охотный, «но после некоторого ... уравнивания обеих этих западных держав или в общем равномерном унижении международном, или в сходном внутреннем состоянии» [7]. Однако «русский Ницше» не исключал и иной возможности развития мировой истории, казалось бы, навсегда утраченной в двух мировых войнах, но при исключительно благоприятном стечении обстоятельств еще способной обозначить выход из сегодняшнего эсхатологического тупика: «... все теперь в мире зависит лишь от рода взаимных отношений между Германией и Россией и больше ни от кого,

ибо и сама Англия (а в конце XX в. ее «халдейское» порождение – М.Р.) оказывается совершенно бессильной против соглашения этих двух держав» [8].

Ныне на роль наиболее последовательных продолжателей леонтьевской традиции претендуют «консервативные революционеры», объединенные вокруг журнала «Элементы» во главе с А.Г.Дугиным. О генетической преемственности этой «евразийской» группировки по отношению к идейному наследию «русского Ницше» позволяют судить столь же безудержные (и несовместимые с «племенным» национализмом) «идеологизм» и глобализм ее историсофских и геополитических конструкций, зачастую проводящие не совсем обосновательные обвинения в гибельном (с точки зрения реальных возможностей и прагматических международных приоритетов сегодняшней России) интернационализме и кощунственной неразборчивости в определении «стратегических союзников» по Сопропротивлению атлантической гегемонии, неразборчивости, иной раз оборачивающейся дерзким вызовом первоосновам и сакральным символам исторической памяти нашего народа. Исчерпывающий, даже избыточный набор подобных обвинений, к сожалению, весьма осложненный и обедненный мотивами чисто группового «разбирательства», был развернут в программной статье С.Е.Кургиняна «Игра в чегыре руки или капкан для России» («Наш современник», 1993, № 2). Спровоцированный ею «раскол в патриотах», ставший одной из причин ряда трагических неудач в общем противоборстве с ельцинским режимом, предельно актуализировал задачу прагматической и творческой гармонизации в соответствии с современными реалиями двух все еще расходящихся идеологических векторов: «национально-славянского» и «интернационально-евразийского» – доминант геополитического наследия двух великих русских мыслителей XIX в.: Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1986. – Т. XXIX. – Кн. 1. – С. 30.
2. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993. – С. 65.
3. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К.Н. Цветущая сложность: Избр. статьи. – М., 1992. – С. 272.
4. Там же. – С. 273.
5. Там же. – С. 278.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 425.
7. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Избранное. – С. 164.
8. Там же. – С. 163.